

ТУМАННЫЙ ДЕНЬ

Фантастический рассказ

Здевайте плащ, — сказал мне мой друг Флери-Мор. — Становится свежо, а я хочу показать вам мои грибные плантации.

— Далеко они?

— В двух шагах. Это там, наверху. — Геолог показал на вершину холма. — Видите эту шишку, Шантерен? Она заслуживает того, чтобы быть знаменитой. Из ее камня сложен Реймский собор, хотя бы частично. Гора буквально пронизана подземными галереями; это заброшенные каменоломни. Две из них я использую для разведения моих грибов; эти галереи открываются по другую сторону холма. Можете взять ружье, мне здесь дано право охоты. Идемте!

— Уже поздно... четвертый час...

— Мы вернемся задолго до ночи. Ну, в путь!

Я взял свое ружье — калибр 12 — и сумку. Честно говоря, я не имел ничего против экскурсии, так как я старый любитель природы и неутомимый наблюдатель сумерек.

Был день 26 октября 1907 года.

Тропинка отлого поднималась среди убранных виноградников и спаржевых плантаций. Крестьяне собирали опавшую листву и складывали в кучи, чтобы сжечь; повсюду мелькали огни, и в ти-

хом воздухе стояли столбы дыма. Мы не спеша поднимались к горному лесу, окрашенному в тона меди и ржавчины. Я часто оглядывался через плечо на открывавшуюся внизу лощину. Когда мы подошли к опушке леса, тропинка, сделав поворот, открыла всю лощину сразу — обширный, расширяющийся вдали полукруг, прекрасную картину только что начавшегося брюмера, — месяца туманов. Несмотря на неприветливую, холодную погоду, несмотря на тусклое небо и на дымку, слишком рано затянувшую желотистые дали, покров пожел-

тевшей листвы сверху казался словно освещенным солнцем. Поднимаясь все выше, мы прошли лес. Ни одно дуновение не шевелило ветвей. Время от времени в лесу осыпалось дерево, и этот тяжелый шорох походил на шум дождя. Чувствовалось непобедимое замирание, предвестник зимы; было ясно, что природа застывает с каждым часом все больше, что осень подходит к концу... Потом дорога спустилась в какую-то песчаную выемку, похожую на траншею. Но прежде чем пойти дальше, мы остановились, и тут я впервые заговорил о тумане, заметив, что болотная дымка затянула уже почти все внизу, как плесень, сероватый налет которой сгущается на глазах. Над Кормонвиллем нависло плоское облако; невидимые руки ткали из конца в конец долины паутинные покрывала, неподвижные и все менее прозрачные, а на бесконечной равнине возникали, неведомо откуда

да, все новые длинные дымные полосы. Не успели мы тронуться в путь, как они запушили уже все пространство, вплоть до края, откуда вскоре должна была подняться ночь.

— Поторопимся, — сказал Флери-Мор. — Так недолго и простудиться.

Я спустился за ним в выемку.

Через минуту мне показалось, что все вокруг становится каким-то неясным. Я провел рукой по глазам, но дымка не исчезала. Это был туман. Он уже окутывал нас своей кисеей.

— Вы не боитесь, что мы заблудимся в тумане? — спросил я.

Мы шли между песчаными, прослоенными рыхлой землей стенками. Мой спутник взял горсть этой земли, растер и показал мне. И я увидел множество известковых частиц, крохотных осколков раковин аммонитов и других морских доисторических животных;

Морис Ренар — известный французский ученый, путешественник, писатель. Его фантастические романы «Ошибка Ришара Сириуса», «Синяя опасность», рассказы «Пещера чудовищ» и другие в двадцатые и тридцатые годы пользовались широкой популярностью, были переведены на многие иностранные языки, в том числе и на русский.

Фантастика Ренара своеобразна. Герои ее, как правило, ученые, исследователи; в основе большинства произведений

писателя лежит поиск научной истины, столкновение героев с какой-либо научной загадкой; и все же менее всего фантастике этого автора подходит определение «научная».

Вооружившись любой популярной книгой, не говоря уже о серьезной научной литературе, читатель без труда найдет в произведениях Мориса Ренара множество неточностей, даже нелепиц. Оказывается, писатель произвольно датирует геологические эпохи, «изобретает» виды доисторических животных, каких быть на Земле просто не могло, строит свои собственные, весьма неправдоподобные гипотезы о происхождении жизни на Земле и т. д.

некоторые из них сохранились в целости, благодаря миниатюрным размерам.

— Ну что я вам говорил утром?

То, что он говорил мне, я помнил превосходно; и сейчас я снова словно бы со стороны увидел тот момент, когда наш автомобиль вырвался из Арденнского леса. Это было так внезапно, как если бы солнце взшло вторично. Равнина Шампани раскидывалась перед нами насколько хватал глаз — белая, меловая, всхолмленная крупными красивыми складками; они словно двигались, и равнина походила на море — такая она была огромная и волнистая. Селения, разбросанные там и сям, были как скалистые островки. Сосновые рощицы темнели своими как по шнурку протянутыми прямогольниками. Вдали виднелась дорога, такая прямая, что ее можно было принять за пристань.

«Мы делаем по семьдесят

пять километров», — заявил тогда Флери-Мор. А мне хотелось, чтобы он сказал: «Мы делаем по сорок узлов», — настолько местность внушала иллюзию моря.

«Конечно! — вскричал Флери-Мор, когда я сказал ему об этом. — Шампань похожа на океан, как дочь на отца. Все говорит о ее нептуническом происхождении, о том, что на ее месте было доисторическое море. И смотрите: вон там видны холмы, ставшие первой сушией, — это было в эоценовую эпоху, когда море постепенно отступило...»

Вот о чем я вспомнил сейчас.

— Все это очень хорошо, друг мой, — сказал я. — Но этот туман! Разве вы не боитесь заблудиться, если он сгустится?

— Ничуть! Я знаю эти места наизусть. Я дошел бы до своих плантаций с закрытыми глазами! Впрочем, туманы у нас никогда не бывают густыми. Если хотите, мы ускорим

Научная достоверность в его книгах явно принесена в жертву занимательности, фантастические предпосылки иной раз просто абсурдны, нелепы... В чем тут дело? Ведь не такто просто обвинить Мориса Ренара, известного ученого, в незнании...

Ответ на вопрос, конечно, нидо искать в другом. Разве не может случиться так, что знакомство с самыми неправдоподобными гипотезами, «поданными» в занимательной, остроужетной форме, пробудит интерес к действительным научным представлениям о поднятой проблеме? А ведь это и есть главная цель фантаста Мориса Ренара. Его фантасти-

ка — не точный путеводитель по миру науки, а умное и умело составленное приглашение в этот мир. И не сосчитать, сколько молодых читателей Ренара приняли это приглашение с удовольствием.

К такой своеобразной фантастике относится и публикуемый на страницах «Искателя» рассказ «Туманный день». Конечно, вряд ли кто станет изучать по нему далекое прошлое нашей планеты. Однако он, без сомнения, вызовет у читателя интерес к этому прошлому, желание подробнее ознакомиться с последними научными гипотезами, посвященными проблеме происхождения человека.

шаг и быстро выйдем из него.

Действительно, выйдя вскорее из выемки, дорога стала круче, и дымка вокруг нас стала более прозрачной. Я воспользовался этим, чтобы оглядеться, и увидел, что зато внизу под нами туман стал еще гуще, он уже скрыл Кормонвилль. Долина до половины заполнилась туманными завитками; они распространились до самых дальних ее пределов и затопили весь простор.

Наконец мы поднялись на горную террасу, усеянную щебнем и поросшую можжевельником. Это место показалось мне таким печальным, что мне стало даже как-то неловко за то, что я нахожусь здесь не в трауре и не в отчаянии. Одиночество, тишина и неподвижность дополняли и усиливали друг друга. Местность, овеянная неопределенной тайной меланхолией, казалась воспоминанием о пейзаже. Мы словно видели постель, готовую расти.

Флери шел не останавливаясь. Наши башмаки попирали жесткую, режущую траву.

— Черт! Это все-таки странно! — воскликнул мой проводник.

Глядя отсюда, можно было подумать, что Шампань превратилась в огромную снежную равнину. Все исчезло, поглощенное арктической поверхностью, отсвечивающей под тусклым солнцем. И самым острым здесь было создаваемое этим явлением чувство одиночества. У меня было впечатление, что этот пушистый всемирный потоп пощадил только нас на нашем холмике; это чувство было бы полным, если б издали не слышались голоса дровосеков, странно звучащие под

этим непроницаемым слоем.

— Здесь и устроены мои грибницы.

Он свернул с дороги на тропинку. Слева от нас, на круто поднимающемся откосе, теперь тянулась сосновая посадка; справа спускался, теряясь в тумане, крутой склон, заросший терновником, ломоносом с засохшими, похожими на пауков цветами.

Склонившееся уже солнце, еще недавно сиявшее, было теперь бледным диском, затуманенным испарениями, — двойником луны. Вдалеке уже ничего не было видно. Вокруг кустов извивались фестонами легкие струи вроде гигантских паутинных нитей. А самый туман уже подбирался украдкой, чтобы затопить нашу тропинку.

И вдруг солнце погасло, как китайский фонарик, в котором задули свечу. Нас окружила белесая тьма. Кусты орешника то появлялись, то исчезали, как расплывчатые пятна. Этот бледный мрак был ледяным; он сгущался, и свет угасал все более.

Не внимая моим советам, любитель грибов упрямо продвигался к своим плантациям. Я видел его все менее и менее ясно, как смутную тень, как его собственную тень, которая вдруг встала бы и отправилась бродить самостоятельно. Теперь мы с трудом различали только тропинку — вернее, лишь кружок почвы, в центре которого находились. Я шел в тумане, как шло бы в темноте какое-нибудь светящееся существо, не видящее ничего, кроме своего ореола. Но как же это было тяжело! Пыльный, влажный запах проникал в

самую глубь моих легких; зубы у меня стучали, брови и борода промокли, одежда покрылась бесчисленными росинками. Казалось, что я превращаюсь в губку, пропитанную талым снегом, в ходячую ледяную сосульку.

Тем временем туман непрерывно густел. Он заполнил весь воздух. Он заглушал наши шаги. Он был так плотен, что в нем трудно было дышать, и так влажен, что в нем не задохнулась бы и рыба. Положительно, воздух превращался в воду!

Я попытался выразить свою тревогу шуткой:

— Не придется ли нам плыть, друг мой, как в те незапамятные времена, когда над этими холмами шумел океан?

Голос звучал, как сквозь кляп. Флери-Мор меня не слышал или притворился, что не слышит. Но безмолвный призрак, шедший впереди меня, вдруг замедлил свои беззвучные шаги. До этого момента я мог видеть вытоптанную, пыльную почву, по которой ступают мои блестящие от росы башмаки; теперь и она исчезла. Флери-Мор остановился. Я взглянул на его ступни; их не было видно. В окружающем нас тумане поднимался какой-то второй туман. Он доходил нам уже до колен. Он был холодный как лед, и этот холод пронизывал нас насквозь.

Флери-Мор наклонился ко мне.

— Лучше подождем, пока это пройдет, — сказал он самым естественным тоном. — Право, так можно и заблудиться! Но это не продержится долго. Очень интересный случай, знаете ли. Редчайший!

Его спокойные слова доходили до меня, как через плохой рупор. Они выходили вместе с клубами пара, которые туман поглощал немедленно.

— Любопытно, что будет с нами дальше, — с трудом произнес я. — У меня в ногах адские боли... и они поднимаются все выше...

— А что, по-вашему, может с нами случиться? — фыркнула грязно-серая тень.

Я схватил Флери-Мора за руку, и мы стали следить за своим исчезновением. На глазах у себя мы превратились в тени бюстов, потом в тени голов, а потом совсем в ничто. И пока мы следили за исчезновением своих тел, сами эти тела испытывали ужасную муку, ибо погружались постепенно в какую-то давящую, холодную среду, страшнее самой смерти. Я не видел даже своих пальцев, поднесенных к самым глазам. Я словно ослеп... И вдруг нервы у меня словно встали дыбом. Внезапная уверенность поднялась во мне — уверенность в том, что здесь есть, от чего задрожать! **ПРОИСХОДИЛО ЧТО-ТО НЕБЫВАЛОЕ!**

Геолог приблизил губы к моему уху. Он говорил громко и спокойно:

— Удивительно, знаете ли, что такой насыщенный туман не разрешается дождем... куда там, снегом, градом!.. И еще меня удивляет, что при таком страшном холоде вода, пропитывающая нас, не замерзает...

Я лизнул свои мокрые усы и убедился, что этот туман не только холодный, но и соленый.

— Ну скажите, слышали вы когда-нибудь о подобном

приключении? Это словно слезы самой смерти... Только не отходите от меня!

— Нет, я не двигаюсь... Мы делаем доклад. Определение: полный мрак, но беловатый, тускло-белого цвета... А! Смотрите, он, кажется, светлеет!

— Да, начинает светлеть.

Вокруг нас становилось светлее. Неосвязаемая вата, окутавшая нас, окрасилась намеком на зарю. Слабый свет, трепеща, уже расплзался в ней, но прозрачность еще не возвращалась.

Я увидел прежде всего тень Флери-Мора, который постепенно материализовался. Мой коллега удивлялся:

— О черт! Где?... Что такое?... И все-таки я уверен, что остановился на тропинке...

— Ну? — встревоженно спросил я.

— И что это за красный песок у меня под ногами?

— Мы, вероятно, сбились с дороги.

— Сбились с дороги, где? Как? Этот красный песок — здесь! С каких пор?

— Может быть, это действие соленого тумана... вода прореагировала с молекулами почвы... Но посмотрите, как еще неясна, как расплывчата на вид эта почва!

Флери наклонился, разглядывая красный песок.

— Вот и ветер поднимается, — заметил я.

Он быстро выпрямился.

— Что вы говорите?

— Я сказал, что ветер поднимается. Разве вы не слышите его шум в сосняке?

— А разве вы не видите, что туман неподвижен и, значит, ветра нет и не может быть?

— Но вы вслушайтесь.

— Да, но этот шум... шум ветра... он идет справа...

— Ну так что же?

— Справа сосен нет! Это не шум ветра.

— А что же тогда?

— Сейчас мы узнаем. Этот проклятый туман рассеивается.

Освещенность усиливалась с какими-то утомительными колебаниями. В то же время холод уменьшался. Круг видимости расширился. Появились неясные предметы: камни, пучки травы. Присмотревшись к ним, геолог вскричал:

— Смотрите!

Но тут откуда-то из непроходимой глубины раздался резкий вопль — хриплый, свирепый трубный клич, напугавший мне зверинцы, цирки, зоопарки...

Бледнее, мы смотрели друг на друга расширенными глазами, в которых начинала проявляться одна и та же невероятная догадка.

Флери был испуган, но все же прошептал упрямо:

— Вы ботаник: рассмотрите-ка эти травы!

Но, охваченный инстинктом самосохранения, я весь превратился в один судорожный порыв к бегству. Мне захотелось умчаться отсюда и бежать, бежать без оглядки. Флери удержал меня.

— Стойте на месте, ради всего святого! Я не знаю в точности, где мы находимся... Обрыв должен быть где-то здесь, совсем близко. Вы можете упасть. И потом, — прибавил он повелительно, — вспомните, кто вы, черт возьми! Подумайте о своем звании. Мы должны благословлять то, что с нами происходит. Никто не может быть достойнее нас, чтобы наблюдать такие явления! И ска-

зять только, что все это кончится лишь докладом в той или иной секции института!

Эта нотация вернула мне хладнокровие.

— Согласен, — сказал я. — Но согласитесь и вы, что можно же потерять рассудок, увидев посреди Шампани **ТРОПИЧЕСКИЕ ТРАВЫ** и услышав...

— Погодите! — прервал он, протянув руку в предполагаемом направлении обрыва. — Вот что вы считаете ветром!

— Оно усиливается... Это не ветер!

— Я вам не подсказывал.

— Это шум реки... или потока... Большой реки...

— Внимание! Вот что-то новое, Шантерен!

Дрожащий свет все продолжал усиливаться, и вокруг нас вырисовывались предметы; один из них, поближе к нам, казался качающейся колонной, суживавшейся кверху. Позади нее проступали другие стройные стволы. Однако было бы неверным сказать, что туман рассеивался. Предметы не появлялись, как выходящие из дымки, — они обрисовывались словно бледным карандашом, а потом принимали форму, словно изваянные из этого же летучего материала. Они создавались из тумана. И самый шум реки казался звуком, присущим туману, как присутствующей ему казалась теплая свежесть со смолистым запахом.

— Ах, Шантерен! Дерево! Там!

— Боже мой!..

Вершина колонны выходила из неизвестного. Это был пучок листьев. Перед нами выросла пальма. Мы видели ее в неверном, трепещущем свете, который все время де-

формировал ствол и заставлял его извиваться, как змею. За нею возникла целая пальмовая роща, колеблемая теми же волнами.

Так пляшут отражения в воде у берега. Все, что мы видели вокруг себя, трепетало и переливалось. Кроме того, видимость все время проходила через чередование света и тени. И я не замедлил открыть, что затронуто у нас было не только зрение. Смолистый запах усиливался от прилива к приливу; шум реки был чередованием форте и пиано, а теплота возрастала толчками, подчинявшимися фантастическому всеобщему ритму: все эти усиления и ослабления совпадали в точности, будь они слуховыми, обонятельными или зрительными.

Они сглаживались, однако, по мере того, как местность освещалась. Туман прояснялся, как изображение на экране, когда его наводят на фокус при колеблющемся освещении. Фотографам легче понять другое сравнение, — с изображением, появляющимся на пластинке, покачиваемой в ванночке с проявителем. С каждой секундой невероятный пейзаж становился яснее, прочнее, глубже. Круг — вернее, цилиндр — видимости достигал уже шагов двадцать в радиусе, когда Флери-Мор сделал вывод:

— Это мираж, как в пустыне. Только это мираж особенный, **ОХВАТЫВАЮЩИЙ НАС**; он дает не просто иллюзию оазиса над озером вдали, а иллюзию того, что мы **НАХОДИМСЯ** где-нибудь в Африке или еще где-то.

— Да, — прибавил я, — действительно, особенность его заключается в том, что

он нас окружает. А сверх того он затрагивает не только зрение, но и слух и обоняние.

— Превосходно! Это мираж, при котором мы видим, слышим и обоняем то, что находится очень далеко от нас. В пространстве есть и какая-то — хотя бы односторонняя — зрительная, слуховая и обонятельная связь между тем местом, где мы находимся в действительности, и тем, которое проецируется на туман вокруг нас. Я знал, что красный песок... Посмотрим, Египет, не правда ли? Нет...

— Нет, — повторил я, изумленный и взволнованный. — Южнее... Я думаю... мне кажется... это все экваториальные растения... Но вот нопапы... баобаб... И все-таки...

— Что такое?

— Боже мой! Флери, это... этот веер на пальме, словно павлиний хвост... вон там, просвечивает в тумане... Вы узнаете его?

— О, это невозможно! Дихо... дихотом Капской области... или Мадагаскара...

— Да, Флабеллярия Ламанонис! Из Капской области, с Мадагаскара — или ИЗ ТРЕТИЧНОЙ ЭПОХИ!

— Из третичной эпохи? Что вы говорите!

— Присмотритесь! Взгляните на эти древовидные папоротники рядом с нею!

— Это осмондии... Цейлонские осмондии...

Нет, нет! это ВЫМЕРШИЙ вид!

— Вы уверены?.. Ах, ну конечно! Смотрите, смотрите, это пальма... ЗОНТИЧНАЯ ПАЛЬМА!.. А что еще? Олеандры... камфарные деревья... мирты... береза!

— Виноградные лозы! Плющ! Орешник!

— Да, покрытосеменные.

Тут шум воды усилился до того, что мы круто повернулись в ту сторону. Там был туман, и красный песок спускался туда отлогим склоном. Шум за завесой утих. Брызнула пенящая волна и грациозно рассыпалась шуршащим кружевом. За нею последовала другая, шумная, как водопад. Песок увлажнился, зашипела пена, увлечели брызги...

— Море! — пробормотал я. — Море, которое было здесь миллионы лет назад!

У края прибоя чернели два утеса.

— Значит, это мираж не только в пространстве, — заявил в полном восторге Флери-Мор. — Это еще мираж и во времени!

— Это мираж только во времени, — возразил я. — Место, где мы себя видим, — это и есть то, где мы находимся в действительности. Все дело в том, что мы сдвинулись во времени, но в пространстве мы не двигались. Смотрите сами!

Туман все рассеивался. Довольно низкий, он нависал над нами, словно облачный потолок; но в остальных направлениях пейзаж был виден совершенно ясно. И он был виден достаточно, чтобы можно было узнать приблизительную конфигурацию Кормонвилльского холма, его выступов и долины, с излучиной которой совпадало это древнее взморье. Сомнений не было: анахронический каприз природы позволял нам увидеть Марну в ее доисторические времена. Эти дубы и клены были первыми дубами и кленами Европы; эта виноград-

ная лоза — первым виноградом Шампани...

В этот момент тучи у нас над головами разорвал ужасающий крик. Мы подняли головы, но увидели только исчезающую тень, огромную и крылатую. Я не мог понять, почему этот крик так потряс меня, но знал, что никогда больше не забуду его звука. На Флери-Море лица не было. Оба мы дрожали. И тут же мы снова услышали из тумана тот трубный клич, что недавно еще так встревожил меня; знакомый уже этот трубный звук повторился несколько раз подряд, из различных точек пространства; и Флери-Мор, прислушиваясь, спрашивал меня взглядом.

— Хоботное, не правда ли? — сказал он потом.

— Несомненно.

— Черт! А затрагивает ли этот мираж и осязание?

Он наклонился и сорвал несколько стебельков альфы.

— Гм! — проворчал он.

— Что такое?

— Смотрите сами.

Результатом было то, что я зарядил ружье двумя пулевыми патронами. При виде этого Флери-Мор сказал:

— Это безумие! Или мы видим сон? То, что вы сейчас сделали, — нелепость! Все это нам снится — видения, вызванные туманом! Может быть, он ядовит, и мы бредим...

— Сновидений вдвоем не бывает, а такие люди, как мы с вами, не могли бы галлюцинировать одинаково и в одно и то же время. Нет, нет, Флери: так как подобного фокуса не мог бы проделать ни один фокусник, то, значит, это мираж нового типа, — целостный мираж во времени. Мы видим, слышим, обоняем, осязаем и чувствуем на вкус

картину прошлого, как иногда в пустыне видим — и только видим! — картину того, что находится за пределами видимости.

Теперь нас угнетала тепличная жара. От нашей промокшей одежды валил обильный пар. Я снял плащ.

И море — БЫЛО. И небо — БЫЛО. Блестящее море под темно-синим небом. В туманном ореоле поднималось большое розоватое солнце. Значит, было утро, и все же...

Я взглянул на свой компас-брелок.

— Посмотрите на солнце, Флери, как странно оно расположено...

Мой спутник не мог удержаться от улыбки.

— Вы забываете, — сказал он, — что с момента своего рождения Земля не переставала подниматься по эллиптике. — Он вынул часы и продолжал: — ФАКТИЧЕСКИ, сейчас четыре двадцать. Заметим это. Но ИСКУССТВЕННО, то есть судя по солнцу миража, сейчас около десяти утра. И еще — весна.

Я признался, что такое множество аномалий отняло у меня большую часть моих способностей, и поздравил геолога с проявлением отваги. Он возразил, что чувствует только досаду, так как не захватил ни записной книжки, ни карандаша, ни фотоаппарата.

Мы беседовали, но не отрывались от магического видения, воспроизводившего детство Земли. Свободная от туманов зона все расширялась. Предметы, появившиеся первыми, были теперь четкими, материальными, неподвижными; но перспектива еще уходила в вибрирующий трепет, похожий на то, что бывает видно при сильном зное.

Это заставило нас думать о живых существах. Мне хотелось, чтобы предметы вдались задвигались; я полагал, что в случае опасности мы сможем укрыться в утесах на берегу. Но тут я заметил в море усаженный зубцами спинной плавник; он вынырнул, потом погрузился снова.

Мы слушали море не отрываясь. Его запах в сочетании со смолистым ароматом бодрил нашу кровь. И вскоре мы поняли, откуда исходит эта смесь смолы и скипидара. Пальмовая роща попеременно с другими деревьями занимала низменность у красного пляжа; но далее вглубь был откос, более высокий и заросший сосняком. В просветах между пальмами виднелся его мергельно-глинистый срез с темнеющим в нем устьем пещеры.

Понятно, что растения интросовали меня больше, чем все остальное. Они были удивительных размеров. На некоторых, казавшихся нескончаемыми, красовались плотные, мускулистые венчики ярко-фиолетового цвета, с золотистыми пестиками. Другие, неизвестные мне, из семейства магнолиевых щеголяли в восхитительных двухцветных листьях прекраснее цветов. У подножья стволов кишела свирепая, многоликая теснота фантастической теплицы, неразделимая путаница, где изгибались колючие щупальца алоэ, где вздутые ракетки кактусов потрясали пучками щетины или волосьяными султанами, где смешные и страшные травы состояли словно из толстых, сросшихся концами гусениц. Это было летаргическое месиво искривленных лап, нагромождение гладких, голых или темных

шерстистых торсов, над которыми сгибались огромные мохнатые посохи древовидных папоротников. Жизнь нападающая и жизнь защищающаяся сверкала в изобилии стручков, в сложном переплетении побегов, в рогах и когтях всех этих параличных чудовищ, колючих и зубчатых, как юрские драконы, или выкидывающие колосья, состоящие из карибских кинжалов. Все это шевелилось, не трогаясь с места. Неправдоподобный зимний сад, где эвкалипт, евфорбия, мирты и вымершие дриофиллы, доли-остробы, кампистры, лепидодендроны перемежались с ольхой и осинкой, с буками и каштанами! В полумраке подлеска торчали голубоватые, неопределенные пирамиды, полупапоротники - полулиственницы, не то травы, не то деревья.

По щекам у нас струился пот. Воздух оставался мутным; к темной синеве неба примешивался неуловимый черный оттенок; и я заметил, что, вероятно, атмосфера не очистится более и что именно такой она была в эту жаркую влажную эпоху. Луна, заканчивавшая свой срок, рисовалась в виде тонкого, прозрачного серпа. Несмотря на сияющий дневной час, в зените стояла большая круглая звезда. Мы заметили ее оба сразу... Ах, нам не нужно было обмениваться впечатлениями! Невыразимая нежность взволновала нам сердца, и я думал, что мы разрыдаемся, увидев эту звезду, ЭТОТ ВТОРОЙ, БЕЗВОЗВРАТНО ИСЧЕЗНУВШИЙ СПУТНИК НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ, — ВТОРУЮ МАЛЕНЬКУЮ ЛУНУ НАШЕЙ ЗЕМЛИ!

Мы никак не могли ото-

рвать взгляд от зенита. Когда же мы отвели его, то чудо завершилось. Последний клочок тумана таял вдаль, как дымка от дыхания. Море, кудрявое от волн, тянулось далеко к востоку, и закругленный берег вставал из него, как ранее вставал перед нами из тумана. Это была бухта между двумя мысами; мы были в одном из мысов, а другой виднелся впереди. Это была длинная красноватая коса, поросшая мастиковыми деревьями и секвойями; чем ближе к суше, тем их становилось больше, так что задний план был весь полон этой зелени, которая к концу нашего мыса снова разреживалась. Посреди подковы над деревьями виднелся гребень обрыва, голый и красноватый на фоне лиловой синевы.

И отсюда тяжело выступили один за другим четыре слона, таких монументальных, что для того, чтобы определить разделявшее нас расстояние, — слыше восьмисот метров по прямой, мне понадобилось вспомнить реальные пропорции этой местности. Как бы то ни было, мы, не сговариваясь, очутились под прикрытием утесов и даже не успели понять, что делаем.

— Будем наблюдать, — сказал геолог.

— Будем наблюдать.

И вот титанические животные идут гуськом, выделяясь силуэтами на обрыве. Они кажутся темными пятнами. Их бивни нам видны плохо; близорукий Флери-Мор насчитал их по четыре у каждого, я же думаю, что их по два и что они изогнуты. Он думает, что животные мохнаты, я — что они голые. Словом, не в силах сделать выбор между слонами Меридио-

налис, Антиквус или Примигениус, мы не можем решить, в какой из периодов кайнозойской эры мы перенесены миражем. Не эоцен; еще менее — плиоцен: об этом говорят море и растительность. Но олигоцен ли это или миоцен? Однако наш спор был решен еще одним эпизодом.

Головной мамонт дает сигнал остановиться. Он широко раскидывает свои гигантские уши, словно его череп хочет улететь; он издает хаотические трубные звуки и галопом удирает за холм. Его товарищи выполнили то же неуклюжее «налево кругом» и исчезли. Земля глухо сотрясается. И вот на севере появляется какая-то темная гора и движется по лесу, превосходя высотой самые высокие деревья. И мы видим, это это исполинский тапир, толстокожее с коротким хоботом и загнутыми вниз бивнями, и что он идет в грандиозном лесу, как обыкновенный тапир идет в траве.

— Динотерий? — прошептал я совсем тихо.

— Да, динотерий: это миоцен!

Флери-Мор произнес слово «миоцен» с непередаваемым выражением. Я смотрел на него; я знал, что он ощущает безграничную гордость, сумеет так, в один миг, определить точку во времени, за мириады веков от нас.

Что до меня, то динотерий меня ошеломил. Похожий на сухопутного кита, он был «не по масштабу» со своим окружением. Он казался не на своем месте: он был создан для гораздо более обширных декораций или для колоссального океана. Чувствовалось, что на Земле он больше не у

себя дома и что ему остается только уйти.

Нам повезло, — мы могли вволю насмотреться на него. Он поднял обрубок своего хобота в направлении бегства слонов, поколебался, сделал полуоборот и, как разрушительная буря, перенесся на самый конец северного мыса. Там он тяжело растянулся и принялся рыться в земле.

Еще через несколько секунд мы увидели над морем стаю больших птиц — или больших летучих мышей, — которые неслись от берега, по временам снижаясь к воде и даже прикасаясь к ней, чтобы поймать рыб. Мы сосчитали их: двенадцать птиц летели замечательно легко и красиво. И вдруг, испустив тот сверхестественный вопль, который испугал нас, они, как крылатые стрелы, кинулись на динотерия.

Исполин вскочил. Большие птицы напали на него со всех сторон, как крикливый вихрь. Стая носилась по кругу, неотвязно и злобно. Потом один за другим нападающие опустились ему на спину, сбившись в копошащийся, похожий на гидру клубок. Животное заматалось — четвероногий замок, опрокинутый четырехбашенный собор, — повернулось и с ревом умчалось в оглушительной буре. Его протесты были похожи на ярость взбесившегося парохода, а его мучители, снова взвившись в воздух, провожали беглеца гиканьем. Мы долго следили за ними взглядами, заслоняя рукою глаза от солнца.

— Я отдал бы пять лет жизни за бинокль, — сказал мой спутник. — Невозможно смотреть... Ах, если бы только я знал! Чего бы я не захватил с собой, Шантерен!

А у меня только часы, вот и все!.. Что это за летучие твари? Вот грязные скоты! А голова у них!..

— Конечно! Но я не знаю... Птеродактили?

— Нет. И все же... О нет, нет! Крылатых ящеров в эту эпоху уже не было, ручаюсь головой... У, противные твари! — повторил он, вытирая потное лицо. — Какой гадкий крик! Я не помню ничего отвратительнее... не считая одного впечатления в детстве...

— Какого же?

— О, пустяки. Я хотел сказать — первой обезьяны, какую я видел. Эта пародия... Так вот, крик этой птицы...

— Вы правы, — сказал я, пораженный верностью этого сравнения. — Но лучше говорить потише. Мы не знаем, что скрывается вокруг.

Синяя тень рощи сохраняла свою таинственную враждебность. Листва деревьев вздрагивала, колеблемая невидимыми птицами. В сквозной тени висели судорожные рои мух. Чаща явно пробуждалась, встревоженная чьими-то тайными передвижениями. Стебли трав гнулись полосами и замирали с пугающей внезапностью, заставляя думать о том, что нас увидело какое-нибудь животное или чудовище.

— Нужно обогнуть эту скалу, — сказал я, — чтобы она была между нами и сушей. Океан кажется более безопасным.

— Как вам угодно, — ответил Флери-Мор, выполняя этот маневр. — Но я все время ожидаю, что этот мираж вдруг исчезнет. Наблюдайте, хорошо?

— Здесь нам будет не очень удобно, — заметил я.

Действительно, море лизало здесь подошву утеса.

Рисунки А. ГУСЕВА

— Все равно, останемся тут, — ответил Флери-Мор, стоя одной ногой в воде. — Главное — не делать лишних движений, чтобы не выдать своего присутствия. Впрочем,

передвигаться в мираже вообще опасно, так как мнимая местность маскирует ловушки действительной. Не забывайте этого, Шантерен, и, что бы ни случилось, не бегите. Мест-

ность, которую мы ВИДИМ, попросту НАЛОЖЕНА на ту, где мы НАХОДИМСЯ. В видимой пустоте этой допотопной поляны вы можете налететь на плотный ствол теперешнего дерева. Это, кажется, единственная опасность, какая нам угрожает. Потому что... Ну да! — вскричал он, хлопнув себя по лбу. — Каким бы полным мираж ни был, он всегда мнимый! Это отражение, иллюзия! Следовательно, друг мой, — боже, как мы были наивны! — следовательно, изображение слонов, издохших несколько сот тысяч лет назад, не могло бы причинить нам никакого вреда. Оно остается в своем времени, как мы остаемся в своем.

Его уверенность передалась и мне.

— И потом, — сказал я, — вот что хорошо: существа прошлого, которых мы видим, не могут видеть нас, потому что мираж не может быть двусторонним. Африканские миражи никогда не бывают двусторонними.

— Разумеется, — подтвердил геолог. — Можно получить от прошлого непосредственное впечатление: небо свод со своими более или менее удаленными звездами дает нам каждую ночь столько изображений прошлого, сколько есть на нем звезд. Но непосредственного впечатления БУДУЩЕГО получить нельзя. Значит, если бы мы, скажем, вскочили и закричали, динотерий ничего не увидел бы и не услышал.

Мы вышли из-за своего скалистого укрытия, вернув себе всю свою беспечность. От наших башмаков оставались на влажном песке отпечатки. Современные башмаки... доисторический песок...

Флери-Мор некоторое время смотрел на волны, скрестив руки на груди, потом заговорил:

— Вы не знаете, какое волнение испытываю я перед лицом этого юного моря, этого моря первых времен мира, близких еще к той первобытной эпохе, когда вся Земля была единым морем!.. Отсюда вышла вся жизнь. Все, что дышит и движется, вышло из недр этого океана, который и сам словно дышит и движется, как несчетное множество живых существ... Вот первоначальное море, и вот оно близ своего первого начала! Вот колыбель всего живого, вот море — мать человека, где уже есть вкус слез, вкус крови и звук рыданий!

Нам выпало несказанное счастье видеть его в дни его юности. В этот час, взродившийся для нас, оно только что окончило свое великое дело. Оно выслало на узкие еще материка все создания, порожденные его лоном. Эпоха ящеров давно миновала. Они изменились, превратились в птиц и млекопитающих. Гигантские драконы не вернутся больше. Теперь должен появиться некто другой. Теперь в недрах обезьяньего племени смутно зарождается человек, и в мозгу какого-нибудь шимпанзе начинает свой путь Вергилий...

Наступило краткое молчание, полное шума прибоя.

Я осмелился заговорить:

— Ну уж если путешествовать во времени, то я предпочел бы зайти дальше, в эру, предшествующую этой. Прекрасное зрелище — динозавры, Флери-Мор! Быть может, самое удивительное на всей Земле, во все ее времена!

— Ну! — возразил Фле-

ри-Мор. — Все ваши диплодоки, мегатерии и прочие игуаноносы были морским населением. Они жили в воде почти всегда, а не так, как нам показывают книги и музеи. Не жалуйтесь: разве динозавров, которого мы видели, не кажется запоздалым осколком гигантской фауны?

— Это не ящер, — сказал я с сожалением.

— А я, — продолжал он, все время переводя взгляд с моря на пальмовую рощу и с берега на сосняк, — если бы я мог выбирать, я бы остановился на менее отдаленной эпохе, на том геологическом времени, когда в животном окончательно проявился наконец человек. Ах, увидеть первых людей! Адама и Еву неоспоримой геологической Книги бытия!..

— Вот и птицы возвратились, — заметил я. — Они ловят рыбу вдаль. Оперение у них кажется белым, или же так влияют расстояние и солнце... Это огромные чайки.

— Мне бы так хотелось узнать, что это такое, — пробормотал Флери-Мор. — Но нужно отказаться. Не будем терять драгоценного времени и попробуем, по крайней мере, разглядеть то, что есть поблизости. Вон там я вижу чудовищные груши; они меня интригуют. Попробуем подойти к лесу.

Он сделал несколько шагов, нащупывая почву ногой и вытянув руки, словно ослепнув: все это потому, что он боялся реальных препятствий, скрытых миражем.

— Эй! — вскрикнул он; резко остановившись, он повернулся ко мне и, прикрыв рот рукой, прошептал нерешительно и восхищенно: — Пещера! Смотрите...

Я молча сделал ему знак вернуться и ощутил вдруг несказанное отчаяние при мысли, что мы, быть может, навсегда останемся на этой Земле, где людей еще не было. Во мраке пещеры зажглись огоньки. Это были маленькие яркие точки, расположенные попарно, красно-зеленые и зелено-красные, неоспоримые, неоспоримо знакомые, — глаза!

— Я иду туда! — заявил Флери-Мор.

— Нет! — И я кинулся к нему.

— А вдруг мираж рассеется? — убеждал он меня. — Разве вы не будете вечно раскаиваться в том, что упустили случай? Воспользуемся им, друг мой! Воспользуемся этим благодетельным миражем!

— Но разве вы не видите, что эти глаза СМОТРЯТ НА ВАС?

— Э, вы с ума сошли! Смотрят в будущее?

Но я держал его крепко, ибо сам был под властью чего-то повелительного, сильнее здравого смысла. Он должен был уступить мне и ограничиться обследованием на расстоянии.

Глаза сверкали, как парные звезды, и иногда мигали, закрываясь пугающими в своей незримости веками. Моя фантазия пририсовывала к ним целое семейство наводящих ужас медведей, ростом с бегемота.

— Вы ничего не замечаете? — вдруг спросил я.

— Что такое?

— Вы не замечаете?.. Луч солнца...

— Какой луч?

— Тот, что проникает в пещеру, — вот эта косая полоса света...

— Ну?

— Так вот, пара глаз, ближайшая ко входу... не найдется ли она ВЫШЕ полосы света?

— Да, это верно.

— Значит, если бы это были глаза животного, стоящего на земле, мы бы увидели его в луче...

— Bravo! По всей видимости, эти глаза принадлежат животному, висящему со свода... если только оно не парит прямо в воздухе.

В глубине пещеры, неустанно пронзая мрак, парные звезды глаз все умножались и умножались...

Мы стояли очень открыто, и я не мог не следить за окружающим, несмотря на бессмысленность этого занятия. Пальмовая роца, разделенная надвое поляной красного песка, бросала тень своих стволов справа и слева от пещеры. Я не мог удержаться от дрожи ужаса: эта тень тоже была усеяна красно-золотыми огоньками! На каждой из исполинских груш блестело по паре огоньков. Их были сотни. И лес, как Аргус, смотрел на нас всеми своими неподвижными зрачками.

Мысль о том, что грушевые деревья — не растения, проползла у меня в мозг, как мохнатый паук.

Но Флери-Мор заговорил разумно.

— Ваши груши, — сказал он, — это попросту летучие мыши; это вампиры-гиганты, висящие с ветвей вниз головой, как обычно. С потолка пещеры — тоже. Но они должны быть дневными, потому что ваши так называемые чайки — это тоже вампиры, за это я ручаюсь. Те, что окружают вас, вероятно, спят.

— Просыпаются, вы хотите сказать!

Я предпочел бы не поправлять его. Мне до тошноты отвратительна даже обыкновенная летучая мышь; судите же, какое впечатление мог произвести на меня целый город этих вампиров, еще более чудовищных благодаря своим размерам.

Я смотрел на пещеру, на пальмовую роцу, на повисших, грушеобразных летучих мышей. Флери-Мор — на море и на тех вампиров, что летели вдаль.

Так прошла минута, и ничто не двигалось.

Невероятное, парадоксальное безумие: эта неподвижность, удлиняющая бесконечно тревогу ожидания, толкала к действию меня, более робкого из двоих. Я порывисто подобрал несколько камешков.

— Можно? — спросил я, нацеливаясь на темное устье.

Флери-Мор рассеянно кивнул.

Первый камень не попал в цель и, ударившись о стену, упал на груды рыбьих костей у входа. Второй полетел прямо в глубь пещеры.

Тотчас же в ее недрах поднялся ужасающий гвалт, от которого волосы у меня встали дыбом, и пещера наполнилась сатанинскими завываниями, словно ход, ведущий прямо в преисподнюю. Мрак внутри усеялся пылающими угольками. И мы увидели наконец, что в недрах тьмы что-то задвигалось, вырисовываясь все яснее с каждым шагом, и направилось к выходу посреди горящих глаз.

— Человек! — прошептал я.

— Обезьяна! — шепнул Флери-Мор.

Он был и тем, и другим, и

ни тем, ни другим; прямо-стоящий, двуногий, страшно худой, с жалким, маленьким, круглыми черепом, с курносим носом, выдавшейся челюстью, с ушами, как капустные листья, и весь в шерсти! Сомнений не было: перед нами стоял питекантроп — предок-человек! Питекантроп, такой, каким реконструировал его Дюбуа по яванским костям... Плиоценовый питекантроп здесь, в миоцене, в Европе, в Шампани... живой! Да еще, по какой-то чудовищной странности, он был союзником вампиров и делил с ними пещеру!..

— Ба! — сказал я себе, чтобы успокоиться, — он использует их как рабов или как охотничьих собак, вернее, как рыболовных собак!

Обезьяночеловек остановился на пороге пещеры и раскрыл свои близко поставленные глаза, до сих пор полузакрытые.

На свету стало видно то, что в нем было самого поразительного. И попробуйте только угадать — что! Слушайте: этот дикарь из дикарей, который должен был бы быть совсем голым, оказался закутанным в широкий кожаный плащ, тонкий, темный, блестящий, с симметрично падающими до самых пят складками!

— Плащ! — изумлялся геолог. — Уже цивилизован! Оранг, уже умеющий одеваться!.. К чертям эту одежду! Она мешает нам увидеть его внешнюю анатомию...

Питекантроп сморщился по обезьяньи, потом повернул голову, как человек. Гам в пещере утих.

— Он смотрит на нас, говорю вам!

— Похоже на то, — согласился Флери-Мор. — Но если он на нас смотрит, то может и услышать нас? Полноте, это невозможно! — Он странно улыбнулся и крикнул человеку-животному: — Эй, дедушка! — И засмеялся, конечно, чтобы рассмешить меня. Но мне смеяться не хотелось, да и времени на это не было.

Наш предок протянул свою длинную руку, приоткрыв полку кожаного плаща. Его рот, разинувшись, превратился в клыкастую пасть. Оттуда вылетел визгливый, лающий голос, толчки которого сотрясали его тощую грудь; что-то вроде: «Аттуи, туи, туи! Хира-ха! Рато! Рато!»

По этому зову, вернее — по этому приказу, стая антропидов вырвалась из пещеры, с каждой стороны пальмовой рощи ринулась на поляну толпа наших предков, а гребень откоса покрылся теми, что выскочили из сосняка. Аммиачный запах обезьянника стеснил нам дыхание. Тишина наполнилась отвратительным гиканьем. Враждебная толпа замкнула нас в плотное кольцо. Все, как их начальник, были облачены в более или менее темные плащи, складками которых они яростно потрясали.

Я обернулся к утесам на берегу моря... Над волнами стремглав неслась стая этих гигантских чаек, или огромных летучих мышей... Сейчас мы узнаем, кто летит на подмогу вампирам, альбатросы или другие вампиры...

— Крылатые люди! — вскричал Флери-Мор.

Да, это были крылатые люди! И темно-бурый плащ, этот мундир окруживших нас приматов, что это было? Вы уга-

дали: это были широкие свернутые крылья. Груша, птица, летучая мышь, питекантроп — все это было одним и тем же существом: нашим праотцем — Адамом, царившим на земле, как и в небесах.

Теперь отовсюду мы были окружены. Взлетев, они создали над нами купол из хлопающих крыльев. Они взяли нас под колпак, и этот живой колпак затмевал солнце. Бегство было немыслимо.

Инстинкт прижал нас спиной к спине. Таким образом, двое в одном, зоркий двуликий Янус, мы могли преодолеть жалкую слепоту нашего тела. Я нервно сжимал ружье в судорожной руке.

— Вы видите, это мираж двусторонний, — с трудом выдал я из себя. — Мы видим их, а они — нас.

Я почувствовал, как он пожимает плечами.

— Призраки, призраки! — пробормотал он. — Понимаете? Восхитительная иллюзия. Постараемся запомнить все, что можем. Ха-ха-ха! Так человек в конце концов потерял свои крылья! Потерял потому, что не пользовался ими! Эволюция покарала его за лень, как пингвина! Ха-ха-ха! Постараемся же запомнить, что только можно!

— Хорошо, согласен. Вы все время твердите одно и то же.

Крылатые люди довольствовались пока что тем, что держали нас под наблюдением. На нас были устремлены все взгляды, и это не могло не вселить в меня робости. Кроме того, непрерывный гам, крики, хлопанье крыльев, — от всего этого голова начинала кружиться. Я старался победить чисто физическую слабость; все мои силы уходили

на борьбу с самим собой, и я страстно ожидал конца этих чудес. Флери-Мор, напротив, думал о мираже вслух. Чтобы лучше запомнить виденное, несравненный наблюдатель делал устные заметки. Я слышал, как он бормочет:

— Лицо негроидное. Никакой цивилизации. Огня нет. Зачатки языка. Вожак — самый сильный, а не самый старший. Как у животных, полное равенство самцов и самок. Никакого оружия. Крылья... ах, несравненные крылья, которыми соединяются руки и ноги!.. Ха-ха!.. Вот они, промежуточные существа, занимающие середину между летучей мышью и летучей белкой! Но они не насекомоядные и не грызуны. Рыбоеды, да, пожиратели рыбы. Словом, они происходят от птеродактилей; да и вся наземная фауна произошла от ящеров. Вы тоже так думаете, не правда ли, Шантерен?

— Все вертится, словно у меня морская болезнь! — отвечал я. — Что нужно сделать? Я хочу что-нибудь предпринять...

Мой арьергард недовольно заворчал:

— Глупо... Безобидное представление... Живые картины... Галерея... портреты предков...

Потом он начал проклинать отсутствие всяких инструментов.

— Используйте хотя бы хронометр, — посоветовал я. — Засеките время. Который час?

— Пять минут шестого.

— Спрячьте их! — вскричал я. — Они блестят, раздражают! Спрячьте часы, они сыграют с вами глупую шутку. Спрячьте скорее!

Что-то темное, тяжелое обрушилось на нас. Я отлетел

в сторону. Когтистая, мохнатая лапа схватила руку с блестящими часами. На земле, подмяв под себя упавшего Флери-Мора, барахтался, сверкая крыльями, питекантроп, отвратительный, как дьявол. Подбрасываемый толчками, зверь подставлял мне свой плоский затылок. Я вскинул ружье, выстрелил.

На этот раз выстрел грянул, как гром. Густой дым окружил меня, закрыв вдруг первобытное солнце. За ним последовали холод и молчание...

Дым не рассеивался.

Он и не мог рассеяться, ибо это был вновь появившийся туман. Вспышка моего пороха сотрясла его и погасила удивительное видение. Мы снова были в XX веке.

Немедленно и словно вследствие того же сотрясения дым превратился в изморось. Меня обдало мелким, ледящим дождем.

Настал вечер в вечере. В полумраке, где ночь сливалась с туманом, я увидел у своих ног ноги Флери-Мора, лежащего на земле ничком.

Он очнулся и застонал:

— Меня убили! Меня убили!..

И действительно, он словно жаловался по ту сторону смерти. Руки у него были как у мертвеца, и я напрасно растирал их. Он был опеломлен ужасом; лицо у него было как маска, а глаза — такие, какими должны быть глаза спящего под сомкнутыми веками.

Я показал ему в сумерках тень орешника. Это знакомое зрелище успокоило его. Он сказал, что видит достаточно хорошо, чтобы вернуться, и хочет сделать это как можно скорее.

Я быстро связал крестик из веточек и воткнул его в землю. Флери торопил меня уйти.

Метрах в двадцати отсюда мы нашли тропинку. Еще один крестик. Новое нетерпение Флери-Мора.

Еще дальше нам встретились каменотесы, возвращавшиеся в Норуа Ле-Кормонвилль. На мои вопросы они ответили, что не видели ничего, кроме тумана, и не слышали ничего, кроме выстрела.

— Странный феномен ограничивался очень малым радиусом, — заметил я, когда они ушли. — Это очень удачно. Иначе сколько селений было бы затоплено!

Я хотел засмеяться, — напрасно...

Флери-Мор спускался с холма во всю прыть, но с необъяснимыми поворотами и внезапными остановками, встреченный черными молниями летучих мышей, испуганный зеленым туманом спаржевых посадок, которые можно было бы пересечь для скорости. Сова, пролетевшая беззвучно, как тень, заставила его съежиться в страхе.

Я кое-как следовал за ним. Мы вернулись в замок.

Было условлено, что мы сохраним случившееся с нами приключение в тайне. Не было ничего легче. Вечером мой друг ослабел еще больше. Руки у него оставались мертвенными, лицо окаменело. Его уложили. Я дежурил над ним вместе с его женой.

Утром лихорадка уменьшилась. Доктор прописал покой, сон и молчание. Перед тем как начать лечение, Флери-Мор захотел поговорить со мною наедине.

Он хотел, чтобы я вернулся на место миража, чтобы определить положение пещеры:

«Ее нужно найти во что бы то ни стало. Там должны найтись бесценные окаменелости». Он горячо поблагодарил меня за поставленные мною вежи и заклинал беречь их, чтобы ни ветер, ни какой-нибудь прохожий не свалили их.

Я отправился туда с землекопами, захватившими свои орудия.

Крестики оказались нетронутыми. Первый из них указывал на второй, а второй — на пещеру. Мое зрение сохранило картину расстояний: между местом, где упал Флери-Мор, и входом в пещеру

было метров тридцать. Но протекшие века сдвинули край обрыва метров на двадцать, и нам пришлось бы рыть ход такой длины, если бы двумя метрами левее и в нужном направлении не был уже устроен карьер. Я отсчитал по его фронту двадцать метров; землекопы начали рыть и почти тотчас же наткнулись на глину.

Часа в три пополудни я остановил работы. Пещеры не было. Я думаю, она обрушилась вследствие геологических нарушений. Но, тщательно разыскивая, мы обнаружили в

мергелистой массе конгломераты красной земли, перемешанной с костями.

Я тут же выделил части скелета. На всех костях рук и ног виднелись какие-то наросты; они не были ни механическими повреждениями, ни следами артрита, а попросту природными выступами, к которым прикреплялись сухожилия перепончатых крыльев. (Эти части, надлежащим образом собранные, образуют почти полный составной скелет; любители могут видеть его в музее под названием *Pteropithecantropus erectus*, и это название считается фантастическим. Его называют также антроптерикс, или, чаще всего, кормонвилльским летучим человеком.)

Как я и предвидел, раскопки не обнаружили ни керамики, даже грубой, ни кремней, даже необработанных; ни слоновой кости, готовой палицы; ни рога нарвала, могущего служить копьём. Поэтому велико было мое изумление при виде извлеченной из земли затылочной кости черепа с круглым отверстием в ней.

Я размышлял над этим обломком черепа усерднее, чем Гамлет над черепом Йорика. Это загадочное нечто, этот пустой кружок не давал мне покоя. Мне пришло в голову измерить его. Диаметр у него оказался такой же, как у пуля моего ружья 12-го калибра!

Не успел я опомниться от догадки, которой озарило меня это простое численное соотношение, когда один из рабочих принес мне только что выкопанную добычу: правую руку, плотно впаянную в глыбу глины, охватившей ее легкие, хрупкие, белые кости. Ее решетчатый кулак сжи-

мался на каком-то предмете, который я решил высвободить.

Вот уже миллионы лет, как эта рука была погребена в недрах горы. И все-таки она держала ЗОЛОТОЙ ХРОНОМЕТР.

Никогда еще я не видел столь жалкой реликвии. Останки циферблата были усеяны крошками стекла, радужными от невообразимой древности. Шарниры срослись. Я открыл часы ножом, как устрицу. От стального механизма осталась лишь ржавая пыль с искорками рубинов. Но нетленное золото устояло перед натиском времени. На потускневшем корпусе виднелось имя продавца: «Самуэль Гольдшмидт, авеню Оперы, 129, Париж». А покрывшиеся минеральной коркой стрелки показывали — через целую вечность ПЯТЬ МИНУТ ШЕСТОГО.

Не решаюсь рассказать, какой хаос царил у меня в мыслях.

Через полчаса, захватив часы и затылочную кость, я нарушил запрет и силой проник в комнату Флери-Мора. Он сидел на постели, сложив руки.

Его прием разочаровал меня. Мое сообщение его ничуть не заинтересовало; рассеянно потрогал обе редкости, он сказал громко и решительно:

— Шантерен!

— Ну?

— Не нужно говорить этого людям.

— Чего, друг мой?

— Что люди когда-то были крылатыми...

— Как!

— Это будет слишком грустно для них, знаете ли... Не нужно ничего говорить...

Я много размышлял после того, как вы ушли.

Да, Шантерен, оказывается, наше желание бороздить небеса, наше неумирающее стремление летать — это не надежда, не порыв к лучшему, بلکه прекрасному! Это лишь смутное сожаление... сожаление об утраченных крыльях... о потерянном рае... Не об этом ли говорит нам библия под символом изгнания Адама и Евы? Может быть. Вероятно. Ах поверьте мне: все мифы древности основаны на какой-нибудь доисторической реальности! Каждый герой поочередно изображает в них человечество. Прометей — разве это не завоевание огня? Падение Икара — разве это не потеря крыльев?.. В злых или в добрых чувствах плоти сама собой передается какая-то первобытная, глухая и цепкая традиция. Когда мы хотим летать, мы, сами того не зная, оплакиваем свои потерянные крылья; а когда мы испытываем тоску по морю, нас волнует нежность изгнанника к запретной родине... Нет, нет, не нужно говорить людям, что они падшие ангелы. Это было бы слишком грустно!

— Как! — вскипел я, пораженный и возмущенный. — Вы посмеете промолчать? Но наше открытие не принадлежит нам; оно принадлежит всему человечеству! И я не понимаю, что может быть грустного в том, если оно узнает: «Некогда люди летали, но душа у них ползала!» Сознай-тесь, что от перемены мы только выиграли.

— Не нужно говорить.

— А истина? — вскричал я. — Истина! Разве ее не нужно открывать наперекор всему и всем? Разве не нуж-

но всем пожертвовать ради нее? Разве не она окрыляет душу и возносит ее выше серафимов в небесах?

— И все-таки говорить не нужно, — повторил Флери-Мор.

В смысле права честь этого открытия принадлежала нам обоим поровну. Ни один не мог распоряжаться своей долей без согласия другого. Итак, я покорился.

Вот почему прошло столько дней, прежде чем антроптерикс появился в музее.

Он обязан этой милостью изобретению самолета. На следующий же день после решающего испытания Флери-Мор разрешил мне открыть тайну.

— Хотя эти летательные аппараты — словно ортопедические снаряды и в сравнении с крыльями они то же, что костыль в сравнении с ногой, — сказал он, — но мне кажется, что мы можем теперь говорить, ибо Адаму возвращен рай, и Дедал снова поднимается в небо.

Мы сказали. Кто нам поверил? Никто. Почему же?

Потому что скелет в музее — это скелет, и только. Крылья антроптерикса были похожи не столько на крылья летучей мыши, сколько на перепонки летучих белок; основой у них были только мышцы, которые исчезли.

И нет других доказательств, кроме нашей памяти, что он был на самом деле — мираж, посетивший нас в туманный день 26 октября и подаривший видение тех времен, когда люди летали.

Перевод с французского
З. БОБЫРЬ